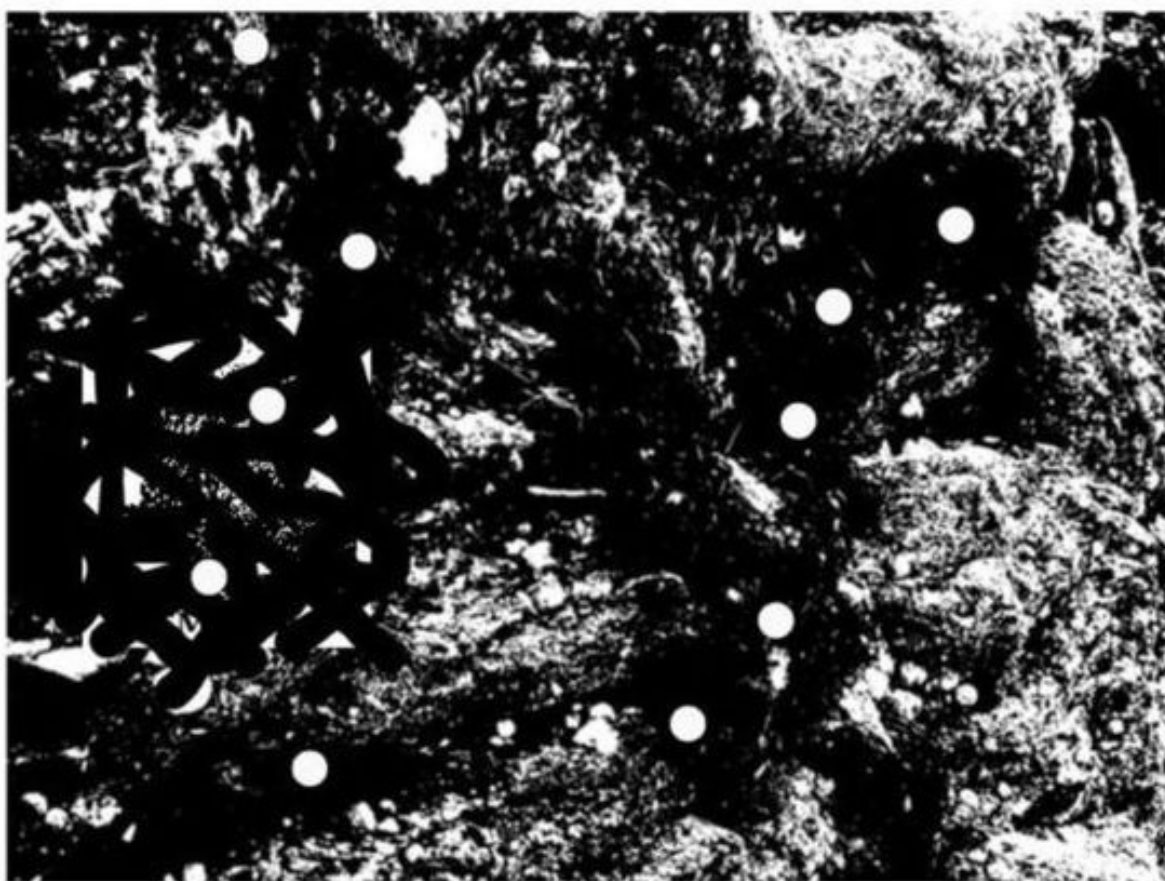

18+

ИВАН СМИРНОВ

4 жизни и 2 казни

ЧАСТЬ I

Иван Смирнофф
4 жизни и 2 казни. Часть I

«Издательские решения»

Смирнофф И.

4 жизни и 2 казни. Часть I / И. Смирнофф — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935857-8

В данной книге две части. В первой из них ведётся повествование о жизни и смерти четырёх людей в наши дни, в 80-2010-е гг. Во второй речь идёт о судьбах их предков, причём это уже не только лишь художественное, но и историческое повествование. Здесь приводятся цитаты из архивных дел, кои позволяют составить некоторое мнение о т. н. «заговоре Тухачевского». Части соединены друг с другом цепью событий из мира фэнтези, потустороннего мира, герои коего могут повлиять на ход событий в мире брэнном.

ISBN 978-5-44-935857-8

© Смирнофф И.
© Издательские решения

Содержание

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ И ДВЕ КАЗНИ	6
Читателю	7
Москва	10
Чернобыль	11
Партия в шахматы	13
Перелом	15
Сумасшествие	16
Память о непопулярной войне	18
«Дальпресс»	20
Несостоявшаяся любовь	24
Без вести пропавший	25
Случай в Москве	27
В Белоруссии	28
Выборы	32
Лучегорск, бард-фестиваль	34
Смерть	36
Контрактник	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

4 жизни и 2 казни

Часть I

Иван Смирнофф

© Иван Смирнофф, 2024

ISBN 978-5-4493-5857-8 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-5858-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ И ДВЕ КАЗНИ

—
— *Часть I*

*Вот Вселенная
Заглянула в душу
Ещё одному:
Ты кто есть такой?!..*

Читателю

Автор, эмигрант из России, опирается в своей работе на имеющийся немаленький опыт жизни в современной России и в Европе, а также на архивные документы, ранее никогда не публиковавшиеся. Предлагаемое читателю сочинение состоит из двух книг, связанных общей и не самой значительной по объёму линией героев потустороннего Земного мира, совершающих путешествие, вмешивающихся в события нашего брэнного мира и попадающих иногда под его влияние.

Книга I охватывает период с 1970-х по 2010-е гг. Первая часть содержит описание жизни в современной России на основе биографий двух людей, Юрия и Юлии. Читатель видит обыденные ситуации в российской глубинке и столичных городах, показаны участие героев повествования в событиях, имеющих общественное значение, или их сопричастность к ним. К таковым относятся, в числе прочих, Чеченская война, Марш несогласных в 2007 г. Вторая часть также описывает жизненные условия современной России на основе биографических данных двух людей, Емельяна и Алёны. Все четыре героя гибнут, вопросы о причинах неустроенности жизненного пути находят ответ во второй книге повествования.

Книга II основана на биографиях предков героев первой книги и связана с ней той же линией повествования о героях потустороннего мира. Двое из предков были казнены во время Большого террора в 1937—38 гг., что имело непоправимые и тяжёлые последствия для последующих поколений. Надо сказать, что эта третья часть представляет интерес не только как популярная или художественная литература, но и как имеющая значение для историков — в ней цитируются ещё никогда не публиковавшиеся материалы архивных дел относительно т. н. заговора Тухачевского. Из этих материалов можно сделать некоторые выводы, в т. ч.

о том, что катастрофические карательные репрессии сталинизма имели своим ключом провокации агентуры глубинного оседания ВЧК-ОГПУ-НКВД.

Любые совпадения имён, названий и иных обстоятельств повествования являются случайностью и не касаются живущих сегодня.

– 1.

– **Азиатская форточка**

Это как мираж.

Сказка: чудные огни светят в темноте...

Дальний Восток.

Знакомство с морем.

Солнце. Свежий ветер. Пляж, на котором масса народа, прямо, как в «Весёлых ребятах» показывали. Вот на меня набегает волна, она мне кажется огромной – конечно, выше моего ростика. Мне говорят, чтобы я не боялся. Чувство робости, тем не менее, присутствует: стихия эта мне не знакома. Волна накатывает, все мы кричим, смеёмся и плещемся. Однако она отходит назад и возникает опять это ощущение неуютности: вода тянет меня куда-то в другую Вселенную – туда, в море. Это необычно. Идёшь назад, в сторону берега, и вода сопротивляется тебе, кажется иногда, что выйти против тянущей назад, в море, волны нельзя. Невозможно! Вода упорно тянет меня в даль, туда, где голоса друзей стихают, и в ушах звучат звуки совсем другого мира, тревожная музыка-песнь и нежный шёпот, они призывают ступить на никому неведомый берег, где властная златовласая дама неспешно идёт по горячему золотому песку вдоль стройных рядов преданных ей прекрасных Фелирин, искоса взирая на распластавшийся у её ног океан. Однако я иду в другую сторону, переступаю, и вода потихоньку умеряет свой напор. Вот я уже только по щиколотку в воде, тем не менее, непонятное чувство воды, «заби-

рающей» меня к себе, в самую «глубь» так же тревожит меня. Как будто даже не страх, а любопытство, а что же может произойти, если вот так вот вода заберёт с собой. Погрузишься в неё, проплывёшь через новый незнакомый мир, далеко от берега. Море зовёт. Вода своё возьмёт.

А в целом картина преприятнейшая: вода, свежесть, запах моря, вернее запах водорослей, но этот запах на всю жизнь стал для нас, дальневосточников запахом моря. Пожалуй, более сильные впечатления от моря я получил в следующий раз лет через двадцать, когда краски были ещё более яркими, свет солнца казался ещё более густым и приятно тёплым. И конечно, уже не было того необычного беспокоящего чувства моря, «утягивающего» тебя волной назад, в себя, в стихию.

Москва

Мы были в гостях у тёти Любы, в Москве. К нам приехал мой второй дед, из Белоруссии. Мы приехали с Дальнего Востока. Много тысяч километров. Большая Россия, отдельная галактика, Вселенная, мир. Деда я припоминаю смутно, он был в костюме, в очках, волосы с сединами.

Мы с двоюродным братом тогда играли постоянно в войну конечно же. По телевизору показывали по вечерам фильмы и передачи про Великую Отечественную войну. Я тогда уже знал, что дед воевал, и всё время приставал к нему с расспросами о том, что он там видел, как и что там было, было ли страшно на войне. А он-то и не хотел особо про такие вещи рассказывать. Я тогда не понимал этого, нам с братом всё казалось, что это должно быть интересно и обязательно хотелось услышать какую-нибудь историю от него. Мы опять и опять задавали ему этот «магический» вопрос – а было страшно на войне? Я тогда у него еле выпытал комментарий о том, что было страшно под бомбёжкой: бомба сверху падает, воеет, и тебе кажется, что она попадёт прямо в тебя, а она взрывается где-то далеко в стороне.

Она рвёт в клочья эту землю, этот мир, эту вселенную, грохот её нарушает тревожную музыку-песню, и птицы не поют, а деревья встряхивают кронами, возмущаясь нарушенному покою столетий. Тревога. Она прерывает мерный ход вещей на острове, и златовласая дама смотрит в даль с решимостью сделать шаг, которого от неё ждёт не одна душа в этом, нашем мире. Ни одна из них ещё и понятия не имеет, что она уже решила отправиться в путь. И души наши так и шествуют по течению, покорные требованиям быта, прихотям и нуждам действующей власти, но не притягательности идей. Это течение отталкивает нас, уносит в разные стороны.

В Москве мы тогда были недолго, может самое большее месяц. Дед погостил только несколько дней и уехал назад, в Белоруссию. Так мы с ним увиделись впервые в жизни.

С дедом мы потом изредка переписывались, его я увидел ещё один раз, 18 лет спустя, и про войну уже у него ничего не спрашивал, ни тогда, ни до того в письмах. Умер он в 2000 году.

Чернобыль

Приморье богато на минеральные ресурсы. Имеет это обстоятельство немалое влияние и на политику, первый губернатор Приморья, Евгений Наздратенко, в постсоветской Росфедерации был двинут горнопромышленным лобби, сам он из горняков, работал на разных предприятиях, на одном из которых, кстати, был на проходной словлен как «несун». Как-то отвертелся. Они способны такие делишки обстряпывать, талантливые политики новейшего времени. А не КГБшная ли он креатура, дорогие товарищи? Вполне возможно.

Неоднократно встречал мнение, что в некоторых странах есть сознательно хранимые или за неимением инвестиционных средств неосвоенные промышленные кладези. В Китае это Тибет, например. У нас, говорят, Тува. Да и много чего ещё. Горы, непроходимые дебри, нехватка людей, денег, технических средств и технологий – и суровые отдалённые окраины, богатые золотом, лесом, пушниной и пространствами земли, несметные ресурсы остаются неразработанными, может быть, частично разведанными, но толку с них промышленности никакого. До поры до времени. Говорят, в Тибете вся таблица Менделеева зарыта. Видимо, так было и с горой Магнитной – геологическая разведка была проведена уже при Царе. Осваивать её начали в конце 20-х годов, пик производства пришёлся как раз на Великую Отечественную войну, из стали Магнитки большая часть танков Т-34 была произведена. Сейчас на месте горы исполинский котлован. Ресурс разработан.

Приморье из разряда кладезей было выведено, пожалуй, в первой половине XX века. Там множество различных минеральных ресурсов. Есть, в том числе, на северо-востоке редкое месторождение, подобных во всём мире промышленно разработано ещё два – в Турции и в США, – водятся там дотолитовые и данбуритовые руды. Из этих минералов можно производить исключительно редкий химический элемент – бор, в технологическом применении используется, как правило, борная кислота. Для самых различных целей, для медицины, для космической и военной техники. У борных соединений есть одно полезное для века атомной энергии свойство – они здорово поглощают радиацию. И вот, когда происходит какая-то очередная ядерная катастрофа, на боропродукты возникает повышенный спрос. Помню, в новостях про Фукусиму мелькала информация, что японцы покупали в Южной Корее боропродукты, готовы были все запасы тамошние скупить. Откуда они у них, эти запасы? Я-то уверен, что оттуда, из Приморья. После развала Союза, основной покупатель этого продукта находится за рубежом, немало в Пусан этого добра доставили. Даже проекты имеют хождение все последние 15—20 лет, перенести всё производство не то в Корею, не то в Китай, а в России только руду добывать.

Когда была Чернобыльская катастрофа, мы, как и вся страна, долго не представляли себе масштабов трагедии. Пожалуй, только через пару месяцев до меня дошла наиболее внятно и осязаемо суть того, что случилось: ехали мы как-то через перевал, дороги там в сопках проложены. Одну, говорят, пленные японцы после войны мостили. Впечатляющие виды – тащится по пыльной жёлтой дороге автобус, а в окно ты видишь, как вниз, на десятки, а может и на сотню-другую метров, скатывается «зелёное море тайги». Красиво. Безо всякого крыла самолёта. И вот мой сосед прокомментировал вереницу КамАЗов, тянущих навстречу нам, в гору, прицепы с контейнерами, большими пластиковыми мешками с белой пудрой, этой самой борной кислотой, результатом деятельности большого комбината, на котором в те годы трудилось около 10000 человек. Сказал он, что всё это богатство едет не куда-нибудь, а на Чернобыль, никуда, кроме как в этом направлении, в тот год не ехала эта продукция. А комбинат, между прочим, обеспечивал этой «пудрой» весь Союз и соцлагерь.

Читал я как-то, что спецкомиссия из учёных разрабатывала эту самую смесь, которую сыпали на реактор тогда. В ней не последнее место занимала и борная кислота.

Геологическая картинка в тех местах, где эту борную кислоту производят, весьма необычна и порождает массу разговоров-слухов в стиле свёртывания у тамошних жителей. Получается, что в центре мощное месторождение борсодержащих руд, а вокруг, в радиусе около 50 км масса залежей свинецсодержащих ископаемых. Кое-кто за «чашкой чая» пофантазировал, что, может быть, миллион-другой лет назад там была какая-нибудь катастрофа, связанная с радиацией. Как известно, через много тысяч лет источники радиации превращаются в свинец. Ну, а если во время той катастрофы пытались погасить очаг ядерного пожара борсодержащими веществами (в советское время среднегодовой выпуск борной кислоты составлял 180000 тонн – какого же масштаба это должно было быть происшествие?!), то вот и какое-то объяснение необычной для Земли концентрации в одном месте редкого химического элемента. Звучит глобально и неправдоподобно, да? С другой стороны представьте себе, что останется от нашей цивилизации через миллион или через пять миллионов лет? Как долго протянут носители информации, железобетон, пластики, железо? По прошествии всего лишь каких-то 2000 лет папирус – основной массовый носитель информации египетской цивилизации – рассыпался в прах, когда исследователи приникли в пирамиды. Кто-нибудь будет помнить, что были президенты, короли хотя бы через сотню тысяч лет? Когда они правили? Будут ли знать люди (или кто будет населять планету в то время, если вообще она будет населена), что были на Земном шаре «пять материков, цари, искусства, войны, троны и память сорока веков»? Память сорока веков – это очень мало, в десятки раз меньше, чем период распада плутония. Может быть, вся эта фантазия, не такая уж и фантазия? Кто знает, что там было, чего не было? Миллион лет назад. Сегодня мы топчем прах, печать Вселенной, а некогда этот прах мог быть чем-то более интеллектуальным.

Трудно сказать, в каком из миллионов лет по земному времени это случилось, но золотая дама действительно решила начать свой путь. И сделать она это намеревалась не легкомысленно. Вот она поманила птицу, шепнула ей на ухо нечто важное, погладила по голове, осенённой нимбом, поцеловала её, и птица, величаво взмахивая крыльями набрала скорость, оторвалась от земли и начала свой полёт по маршруту, пройденному уже миллионы раз. Мы узнаем ещё, что за задание получила птица, всему своё время.

Одно я точно знаю, Саркофаг или Объект Укрытие, построенный в своё время общими усилиями советских республик, говорят, был рассчитан на 30 лет эксплуатации, значит, в 2017 году ребром встаёт вопрос о возведении нового. Хватит ли у Украины денег на это удовольствие? Хватит ли у бывших союзных республик, и конечно же у Росфедерации, прежде всего, политической ответственности и ресурсов, чтобы сделать эту гигантскую работу заново? Работа, конечно, может быть, и будет исполнена, но, может быть, и не будет исполнена, а, может быть, будет замедлена. Насколько хватит этого нового Саркофага? Какие государства будут на территории нынешних украин, росфедераций, когда выйдут сроки технической эксплуатации Саркофага-2, Саркофага-3, Саркофага-4? От этого слова – «саркофаг» – становится как-то слегка не по себе. Веет от него вечностью, Вселенной и прахом.

Практический результат Чернобыля для всей страны означал также свёртывание программы строительства десятков новых атомных станций. Для Приморья было тоже во второй половине восьмидесятых годов запроектировано строительство своей атомной станции, в качестве предполагаемых мест для стройки были выбраны два города, в том числе вот этот вот городишко, где такие выгодные минеральные ресурсы под боком, и свинец, и бор рядом. Я помню, тогда циркулировали в массах разговоры об этой стройке, видимо проектно-изыскательские работы уже были запланированы. Но катастрофа вызвала масштабный эффект торможения, брожение в умах, и все эти программы были свёрнуты, и им не суждено было сбыться. Ну и слава Богу!

Партия в шахматы

Мой отец исключительно хорошо играет в шахматы. Шахматисты вообще интересные люди. Гарри Каспаров, например. И в частности, в нашем городишке жил тоже сильный по тамошним меркам шахматист и интереснейший собеседник, Фёдор Измаилович. С отцом он любил сыграть партейку-другую, и рассказывал он удивительные истории. К сожалению, считай, все их я позабывал. Записывать надо было! Если не слово в слово, не отходя от кассы, то хотя бы пока помнил ещё что-то. Вы наверняка знаете, что есть такой тип людей, которых слушать – одно удовольствие, вот таков и был этот человек.

Вот они закончили битву на клетчатом поле и мы перемещаемся на кухню попить чаю. Я слушаю его, как замороженный, собеседник он был отличнейший. Он участвовал в Великой Отечественной войне, в битве на Курской дуге потерял ногу.

– И вот я после ранения был направлен в госпиталь, прооперировали меня там, потом направили на лечение в Среднюю Азию. А это как раз было время, когда чеченов депортировали.

А ты знаешь, вот говорят сейчас, что их депортировали, да какое это было безобразие. Да, это было безобразие, но надо всё сравнивать, и тогда безобразий было немало совершено не только против одних чеченов. И каких безобразий: контрреволюционная агитация – расстрел, раскулаченных – в Сибирь. Кстати, а вы не спешите говорить, что и им также досталось, всему есть своя мера, всё можно и должно сравнить. Раскулаченных куда ссылали? В Сибирь, за полярный круг, на голый снег, вкалывайте, стройте тут в тайге светлое будущее. А чеченов куда выслали? В Среднюю Азию. Там и до всякого будущего круглый год преимущественно светло. Был я там, где они на поселениях находились. Конечно, это тоже не сахар, людей отправили за тридевять земель без средств к существованию. Но и раскулаченных на снег сгружали без средств к существованию. А в Средней Азии климат был совсем другой, не так холодно, как в Сибири, можно как-то работать, да от холода не околеешь. Наши на спецпоселениях тысячами мёрли, в Сибири, в тайге, на болотах, в мороз загибались, а с ними не так жестоко Сталин поступил. Какой-то быт им там организовали, какое-то жильё они получили, не в чистое поле приехали.

А кстати, в моей палате и был один чеченец, тоже после ранения лечение проходил. Небольшой такой, живенький из себя весь. И вот как-то мы пошли с ним на местный базар, что-то купить из фруктов-продуктов. Стоим мы у прилавка какого-то, прицениваемся, он стоит рядом, тоже, значит, сбоку так. И вдруг я вижу, сзади подходит громадный чечен в бурке, в папахе, бородатый, берёт его одной рукой сверху за череп так, приподнимает и к себе лицом разворачивает, как котёнка, тот его сперва не заметил. Этот здоровяк смотрит ему в лицо пристально так и спрашивает: «А, так это ты, Ваха?! Жив ещё?! Ну ничего, подохнешь скоро! Как собака подохнешь!» За ним несколько чеченцев стоят, все глядят на него. А он сказать ничего не может, смотрит на него, в ответ ни слова проговорить не может. Здоровяк его опустил наземь, народу много было там, так бы они его сразу же там и порешили. И вроде как дальше пошли они всей ватагой. Мой мне и говорит, пошли, мол, пошли скорее в больницу назад. Ничего мы покупать не стали уже, назад ходу. Он мне по пути рассказывает, что за история была.

Это ещё до войны у их тейпов разборки были на почве кровной мести, там же они столетиями помнят, какой род когда-то против их тейпа чего натворил. И вот вражеский тейп ещё наверное в 20-х годах отловил его, зимою, говорит, дело было. Словили они его, решили в реку под лёд спустить. Так и сделали, в полынью затолкали, он говорит, думал, что всё, погибеть ему. И вдруг неожиданно там подо льдом, он говорит, чувствую, дышать могу – смотрю, это я в воздушной подушке подлёдной. Ага, говорит, живём ещё, вниз по течению он стал

продвигаться – в воздушных подушках воздуха набирался да дальше пробирался-проплывал, пока до следующей полыньи не добрался. Вылезти сумел из неё, его кровников уже не было там на реке, как-то он выбрался в общем. Выжил. А те-то думали, что кронты ему, много лет пребывали в уверенности, и он тихо-мирно жил себе. А тут такая вот встреча получилась.

Как мы в палату пришли, он тут же все свои вещи собрал, и никого не ставя в известность отправился в путь, говорит, своя шкура дороже, чем все эти таблетки да микстуры. Так я его с тех пор и не видел.

– Так-то, такие случаи в жизни бывают, – изрёк ещё один слушатель, которого никто из нас не видел и не слышал. – И чего его тогда водяной не утащил к себе?

– Да он в тот раз только-только в зимнюю спячку лёг, так ведь? – Этот довод показался домовому резонным, он кивнул головой, – А ведь и впрямь рассказчик Измаилович знатный.

– Они сейчас расходиться будут, гость их домой пойдёт, я за ним следом, надо и других предупредить, правда? – Домовой пожелал переплуту ровной дороги, и он двинулся вслед за Измаиловичем в путь. Переплут только что, надясь, явился в этот дом, а другие ещё, может быть, и не знают о том, что она уже двинулась в путь, хотя молниеносные и вездесущие переплуты, оседлавшие попутные ветры, разносят слух об этом по всему Земному миру.

Перелом

На улице печёт солнце, нещадно, по-летнему, знойно. Я еду на велосипеде, на улицах никого. Почти никого. Почему? Об этом я догадываюсь, когда прибываю домой – родители смотрят телевизор, передача со Съезда народных депутатов. Гигантский зал, в котором масса народу, идут дебаты, дискуссии. Все смотрят эти передачи, что-то обсуждают, что-то такое, в чём я лично только-только начинаю вероятно разбираться, но не особенно ещё понимаю, что к чему. По вечерам показывали тогда тоже гигантские залы, с массами народа, хозяином этих мероприятий был психотерапевт Анатолий Кашпировский, в Европе в начале XXI века он регулярно нынче гастролирует, в газетах мелькают объявления с его строгим сдвигом бровей, сомкнутыми губами и пристальным взглядом на светлом лице. Насколько массова его аудитория – не знаю, но человек эксплуатирует капитал популярности времени перелома, когда пошла очередная волна эмиграции из Союза-СНГ. Егор Лигачёв, Нина Андреева, Николай Рыжков, Эдуард Шеварднадзе, Александр Яковлев – всё это имена из тех переломных времён. Валентин Павлов ещё вот. Если мне не изменяет память, сразу же после его печально известной реформы мы с мамой возвращались домой из Сберкасы. Что-то мы обсуждали насчёт зарплат тогда. Запомнилась мне фраза, сказанная мамой более, чем уверенно: «Уж чего-чего, а зарплаты в тысячу рублей у меня никогда не будет! Таких денег в нашей стране работающему человеку платить никогда не будут!» Наверное года через три эта тысяча рублей была уже вместо разменной мелочи. «Косарь» превратился в «штуку» потихоньку, а потом и вообще в ельцинскую мелочёвку.

Летит над страной Сирин, поёт свои песни, люди, не слыша её птичьего пения, но чувствуя его, впадают в блаженство, мечтая о прекрасном будущем, которое вот-вот наступит. Но они же массово теряют рассудок. Он не улетает во вселенские просторы, но он мечется в хаосе, incapable успокоиться и ввести наш народ в разум.

Сумасшествие

Не знаю, как Ваши воспоминания про жизнь в те годы, но у меня осталось о том времени одно впечатление – сумасшествие. Повальное. Безумие. У всех шарик за ролик позаязжали. Кто-то себя конечно привольно чувствовал на этой ловле рыбки в мутной водичке. Эх, рыбаком я никогда не был, так бы половил рыбёшку, может быть. Все массово рванули за золотым тельцом. Естественно, массово же все большей частью остались за бортом.

«Лихие» девяностые. Ничего лихого в них не было, было много подлости да жадности, корысти и зависти. Те, кто в эти игрушки игрались до самозабвения, смогли всплыть на поверхность. Напрашивается сравнение с непотопляемым нечто в той самой проруби. Тонули тоже, временами. Топлячками плыли по течению. Как-то Билунов, т. н. «Лёня Макинтош», прокомментировал в интервью, что из тех, кто присутствовал на одном из его юбилеев, а было там около пятидесяти человек, до следующего его юбилея дожило только пятнадцать. Все состоятельные политики и состоявшиеся дельцы, авторитетные предприниматели, просто авторитеты. Во Владивостоке была своя статистика, свои имена: Бауло, Макар Стрелянный, Карп и прочая, прочая, прочая. В организации похорон Бауло деятельное участие принимал будущий губернатор края.

Сколько простых людей загнулось подсчитает статистика – не так страшно, как это уже не раз было классиками отмечено, сказать, что умер один миллион, а страшно человеку становится, когда вот так персонально, на фотографию глядит с грустной улыбкой барон и поминает каждую личность, которая не выплыла по течению жизни. А миллионами у нас принято уже издавна разбрасываться. Раньше вон, десятками миллионов мёрли. Всё согласно естественным законам и причинам. Сейчас всё «неинтересные» смерти – от рака, от голода, в операционной из-за отключения света. От НАС, тех, кто на операционных столах лежит или с горя глыжет палёную водку, от НИХ состоявшихся дельцов рыночных и князей демократических, – ничего не зависит, всё согласно естественному ходу бытия. Зарубите себе это на носу, а не то вам скоро носы отрезать начнут.

Златовласая дама. Её походка – сама грация и лёгкость, её шаг меряется сотнями тысяч километров по земным меркам. Она может ступить своей ногой в точку пространства и времени, выбирая для себя её в непредставимой нам сетке пространственно-временных координат. И она поспевает всегда кстати. Неспроста она отправилась в свой поход. И не одна – вокруг неё летают птицы, каких никто из нас не видал, все они делают своё дело, в нужный момент и в необходимой точке пространства, вмешиваясь в писанные законы привычной нашему разуму физики. Наваждение, от которого отмахиваюсь, проснувшись и вернувшись к размышлениям.

Я пожил за свою жизнь в нескольких общежитиях, разных коммуналках, сквотах. В те годы в том общежитии эту легенду рассказывали всю осень то там, то здесь, разные люди. У нас в комнате она тоже прозвучала. Якобы парень по кличке Акваланг, геофизик, стоял в бытовке, курил. Вечером, темно уже было. В бытовку зашли выпившие гопники и стали приставать к нему. Он тоже был выпивший. Как-то дошло до того, что-то ли он сам ни с того ни с сего в окно прыгнул, то ли они его поугубили тем, что сбросят его, а он спрыгнул, но несомненный факт состоял в том, что он «вышел» в окно.

Бытовка находилась на пятом этаже общежития. И вот он шагнул в темноту, естественно не заметив ни златовласки, ни её птичек, а они-то его и заметили: всего-то делов – замедлить падение, растянуть асфальт в резину в самый момент удара его о землю.

Те, кто были в бытовке, выпали в аут, кинулись к окну. Ничего не видать – темно, уже поздний вечер. Стоят, смотрят, головы ломают, что делать-то? И тут сзади подбегает Акваланг и начинает их бить. То ли от шока, то ли от выпитого они не смогли никак ему ответить. Отме-

телил он их, в общем, поломал им головы. Как так получилось, как он никаких травм от прыжка не получил – ни он, ни присутствовавшие при том знаменательном инциденте многочисленные свидетели не могли разумно объяснить. Только у него не было в результате падения ни единого перелома, ни сколько-нибудь заслуживающего внимания ушиба. Хотите верьте, хотите нет! Легенда эта была популярна в ту осень и имела хождение в каждой комнате общежития.

Отступление для обществознания – новости тех лет. «Чёрный вторник», доллар, главное мерило экономической жизни в Росфедерации, резко подскочил в цене, с 1000 до 3000—4000 рубликов. Заявление лидера самопровозглашённой Чечни-Ичкерии генерала Дудаева с угрозами атак на стратегические объекты в Росфедерации, в том числе на атомные станции. По радио гоняют очень популярные песенки группы «Ноль» – «Человек и кошка», «Иду. Курю». Резвится птичка с нимбом, льёт свои блаженные песни, и только их отголоски доходят до нашего мира посредством гармошек Феди Чистякова. Но и они пленяют наш разум. Масса рекламы «МММ», фондов «Гермес», «Русский дом». На «дискотэках» песни Кая Метова и Ирины Аллегровой. Бои в Таджикистане. Рекламные паузы и даже массивные их блоки. Зрелище государственного бессилия, санкционирующего бессилие общественное. Представляется, что в целом уже извечный диагноз нашего государства из тех самых случаев, когда преступная бездеятельность прикрывается боязнью ответственности.

Память о непопулярной войне

Был он первым в нашем городишке, погибшим на той войне. В последний раз я его видел в 93-м году, он шёл со своим школьным другом куда-то, мы пожали друг другу руки и перекинулись парой слов о планах на будущее. Он хотел поступать на юриста учиться. Потом я не слышал про него ничего до самой вести о его гибели.

Слушал я тогда в основном «Чёрный пёс Петербург», альбом группы «ДДТ», помню вопрос Шевчука в микрофон: «Ну что, будет война?!» – ответ зала: «Нет!» – его комментарий: «Правильно, не будет!» Пел он тогда «Предчувствие гражданской войны». Как известно, война – дело народное, а войну ту, как и предыдущую, Афганскую, большинство из нас, как и я тогда, не понял и не принял. Не надо нам было всего этого, не надо. А кто-то в верхах решил по-другому. Мы думали, это где-то там, далеко, не наше это. Только вот люди там погибали не понарошку. В нашем городишке согласно официальной статистике в Афгане погиб один, в Первую Чеченскую тоже один, во Вторую Чеченскую – уже трое.

Я тот день, когда узнал о нём, не забуду ни по чём, стояла солнечная жара и как будто в голову ударил чёрный гром. Из чёрного же солнца? Бред какой-то, уж не наслушался ли я тогда пений Гамаюна? Я был далеко от дома в том году, звоню домой, в слова поверить не могу, мне говорят: «Погиб приятель...», Игорь. И я стою у аппарата, это был год 95-й, начало июня. А ведь и впрямь, могло получиться так, что крошечный гамаюнчик отбил от златовласки и напел мне тоску-печаль.

Служил в войсках ракетных он, сам добровольно пошёл в Чечню разведчиком. Спецназ МВД «Шатёр», если я правильно помню. Их взвод задание получил: глубокий рейд к поганым духам в тыл. Задание как задание, и они пошли глубоким рейдом на тылы: вот много километров позади, и молятся своим богам враги... В их взводе он радистом был, и с нашими на связь он выходил. Но духи тоже ведь не дураки – эфир их взяли да и засекли... И вышел их спецназ головорезов в то место, где запеленгован вызов, охотиться за нашей разведкой. Но много духов там нашли конец свой.

Мы, многие, корили Вас тогда: мол, что за непристойные дела, своя страна, родной наш Грозный, да только спохватились то мы поздно. Ребята, делали Вы чёрную работу, как будто только Вам была забота, что на клочке родной нашей земли обосновались свирепые враги. Как будто песня кинофильма ожила, и подлецы вдруг вспомнили её слова: зло решило порядок в стране навести. Только встал мой приятель у него на пути. В тот год печальный, 95-й, и в том бою, 30—31 мая, погиб и мой приятель. Он получил осколочное ранение от гранаты в плечо и шею, истекал кровью на поле боя, а наши не смогли к нему подобраться из-за огня противника. Умер от потери крови. И он высокий долг тогда ведь исполнял, когда в Чечне в разведке воевал?..

Мне говорят: «Погиб приятель». Да, было это в год 95-й. Кто больше виноват в той войне? Он, погибший? Или мы, молчавшие? Или те, кто властью управлял? Или те, кто власти подпевал?

Родители Игоря получили последнее письмо от сына после того, как гроб с его телом уже пришёл на родину. Письмо с того света, подхваченное и бережно препровождённое Гамаюном с мрачным и прекрасным девичьим лицом. У Игоря был закадычный школьный друг, кореец по национальности, Сергей. Его старший брат занимался восточными единоборствами, видимо стал также участником криминальных структур. В 1993-м году он погиб во Владивостоке в ходе криминальных разборок, на другой войне, как говорится. Хотя, по сути, на той же самой гражданской войне, войне кланов за собственность – из-за чужих шкурных вопросов, когда требования старались предъявлять с ножом горлу. Война та была проиграна – войну вели

кланы, а проиграла её страна в целом, для постсоветской России это, быть может, стало пред-решением её национального будущего.

На школе, где Игорь учился, разместили мемориальную доску в память о нём. В 90-00-е годы, да и сейчас тоже, в том городишке, как и везде по России, а особенно на Дальнем Востоке, одна единственная тенденция – демографический спад, убыль населения. Детские сады, пионерлагеря и школы не нужны в таком количестве, как это мыслилось в 70-80-е годы. Дошёл сперва черёд до соседней школы, из которой наш погибший «афганец» был, а в конце 90-х и до этой «игревой» школы. В ней разместили Отделение Пенсионного фонда, на втором этаже, да ещё какие-то торговые точки. Доска осталась напоминанием о прошлом, не таком уж давнем, а тем не менее, сразу понимаешь, что жил вот человек, и канул он в вечность. Молодой человек. Навеки теперь уж молодой.

Пройдёт ещё совсем немного времени, и люди будут удивляться: а тут, оказывается, школа была? Игорь, а да, помню, показывали в далёком 95-м году по местному телевидению репортаж, погиб парень на войне. Жалко человека, парень то молодой был, 19 лет от роду. А мы, господа-товарищи, между прочим, должны ответить не только за эту несправедливую войну, но и за то, что приравнивали победы нашей армии в очень немногих справедливых вооружённых конфликтах XX века к её поражениям, а любые поражения нашей армии – к унижению нашей Родины.

«Дальпресс»

А может быть, тогда над постсоветским пространством носилась вовсе не одна лишь птичка, а множество гамаюнов, апусов, манкорий, имоноцодиатов и манцкодисов, сеявших всюду шум, говор, гам, крики и заливая его песнями о довольстве и справедливости? Убаюканное звоном из безвестного сознание миллионов стало жертвой бесовских плясок, упыри и бесы встали из своих могильников и повывлазили из своих чертогов, высасывая живую кровь из людей, вселяясь в них и безжалостно выбрасывая их рассудок на обочины нелёгких дорог.

В то лето я решил остаться в городе и начать зарабатывать деньги. Вообще, идея была такая, что можно было бы пожить у родственника на квартире и работать. Кем-нибудь. Город большой, не то, что наш городишко, вариантов много должно найтись. Да и родственник, типичный «новый русский», в случае чего поможет. Такие надежды были у меня в то время. Эти надежды на родственника очень усиленно подпитывались и направлялись моими родителями, мамой, главным образом, в том направлении, что надо непременно где-нибудь у него работать, человек состоятельный, со связями, направит на путнее занятие. Мои идеи, что-то помимо его содействий найти, воспринимались ею не на ура.

Однако я видел из всего предыдущего опыта нашего общения, что он не намерен особо обращать внимания на нас, на меня, мои проблемы и старания их решить. В принципе, понимала это и мама, но очень не хотела в это верить, очень хотела, чтобы всё было по-другому, «по-хорошему», чтобы все друг другу помогали. Как я понимаю, он это истолковывал в том превратном смысле, что «сынка надо пристроить». Такое отношение он всячески презирал, молчаливо, в основном, чем ещё более раздраживал мои (а по большому счёту и её тоже) подозрения и сомнения относительно идей «работы» у него.

Как-то на мой «наивный» вопрос о том, что я вот думаю подыскать какую-нибудь работу, он ответил вопросом о том, сколько же я хотел бы зарабатывать, и услышав ответ, продолжил следующим вопросом, о том, сумею ли я потратить эти деньги. Я ответил тогда, что сумею. «Новый русский» родственник в ответ хмыкнул, промолчал, и продолжил просмотр телепрограммы. С этого момента мне было уже окончательно ясно, что с ним никакой удачи не видать. Пожалуй, что никогда.

Такой поворот дела вызвал очередной приступ злости против этого состоятельного и состоявшегося в той жизни человека, который я, конечно же, по молодости лет и природной скромности не высказал ему. Может быть, это было не правильно? Родителям я тогда не рассказывал ничего о нашем весьма прохладном разговоре. Стал самостоятельно изыскивать объявления в газетах и, где возможно, о вариантах работы. Это вызвало, разумеется, у родителей моих непонимание и расспросы на тему того, почему я не хочу у родственника работать. Не помню уже, что я ответил, наверное, что с его слов работы у него для меня нет. Это, конечно, в очередной раз расстроило маму, отец, как водится, не знал, что и сказать, как-то за таким безвыходным молчанием этот разговор и закончился.

Я остался на пару недель жить в общежитии. Пока новорусский родственник был во Владивостоке. Как-то он меня подбросил на машине до общежития, поинтересовался, где я намерен жить, я ему сказал, что пока что в общежитии. Он ответил, что в его время, когда он жил в этом же общежитии, оно на лето закрывалось на ключ, и никто там не жил. Я ему сказал, что сейчас времена другие, у меня есть возможность там остаться.

В общем, как-то я перекантовался те две недели там. Взял себе вторым «нелегалом» Ивана Калиниченко, студента с Сахалина, который учился в Питере, проездом был во Владике, и по знакомству нашему общему с одним сахалинцем попросился на несколько дней там остановиться. На ночь мы закрывали дверь на ключ и старались не попадаться на глаза «операм» – студентам охраны общежития, а также менту, жившему там, Игорю Шамову.

Тогда мы с ним ещё не были толком знакомы. А он пришёл целенаправленно проверить нашу комнату в тот вечер. И чёрт его знает почему, может быть, он пригрозил, что так или иначе дверь откроет ключом-вездеходом, но мы ему открыли дверь. Иван в тот вечер рисовал что-то, он представлялся молодым человеком с разносторонними интересами, в том числе к художествам. На меня его абстрактные картины не производили впечатления, чем он, видимо был раздражён.

Однако в тот раз Шамов строго посмотрел на нас, а не на ивановы картины, расспросил кто есть кто, по моему адресу сказал, что моё лицо ему знакомо, видел раньше уже, что я в этом общежитии живу. Насчёт Ивана терзали его смутные сомнения, кто это и что он тут делает. Мы ему объясняли что-то честное пионерское, что я вот лишь на пару дней задержался тут в городе да прихожу присмотреть за комнатой, где много осталось наших вещей, а Ивана принял по старой дружбе на пару дней проездом с Сахалина в Питер. Так или иначе, в тот раз этот разговор не имел юридических последствий для нас. Игорь в связи с тем произвёл на меня благоприятное впечатление. Через пару дней Иван уехал в Питер.

Через неделю родственник улетел в Штаты в очередной раз, летал он тогда каждые две-три недели туда-сюда в непредставимом для нас бизнес-классе, мог себе позволить такую мелочь. Мама приехала на т. н. «дежурство» – присмотр за квартирой родственника и всеми богатствами, хранящимися в ней, а я перебрался туда же.

Те полтора-два месяца я весьма интенсивно работал в свежепоявившейся в городе газете «Дальпресс». Андрей Анатольевич Евсеев, редактор газеты, за пятнадцать минут объяснил мне суть моей работы – найти рекламодателя, оформить заказ, принести заказ и деньги (или платёжные документы, данные о платёжках) в газету. Оформился я по популярному тогда т. н. трудовому соглашению. Никто толком не знал ещё, что это за договор, трудовых книжек по нему не оформляли. В общем-то, надежда была, главным образом, на честность и порядочность людей. Очень ненадёжный фундамент для трудовых, денежных отношений в Росфедерации, особенно в 90-е годы. Тем не менее, наш договор состоялся, я взялся добывать деньги на хлеб насущный.

Работа эта была «волчья» – чем больше побегаешь, тем больше шансов словить добычу. Платили мне то ли 10, то ли 15% с заказа. Кажется, процент повышали, поскольку деятельность моя была результативной. В то время по инициативе мэра Черепкова городские телефоны и общественный транспорт были бесплатными. Инициатива оспаривалась недовольными мэром по всякому, но мне была очень даже на руку: ни о какой собственной машине, конечно, и речи быть не могло, сколько стоили сотовые телефоны, сотовая связь, да и пейджинговая в те года, да ещё и на периферии, Вы можете, дорогой читатель, тоже предположить.

Телефон в работе рекламного агента был залогом успеха. Бывало, что следом стоящие в очереди к телефонному автомату нетерпеливо и зло смотрели мне в спину. Я делал паузы, обзванивал по 10—20 контактов, иногда назначались встречи, я на них выезжал. Заказы приходили, и приходили они в основном через меня и ещё через одного агента, Юлю. Со слов Евсеева, мы двое тогда были самыми эффективными агентами. Всё это так, так оно и было, я это видел, слышал по разговорам в редакции.

Сейчас я объясняю успех дела тем, что идея была свежей – Андрей приехал из Москвы, где видел первые чисто рекламные издания, в которых фирмы целенаправленно давали информацию только о предлагаемых товарах и услугах, и стал реализовывать первым аналогичный проект местного масштаба. В доинтернетные времена такой своеобразный интернет на печатной бумаге. Вторым залогом успеха была моя активность. В среднем за месяц я заработал тогда более миллиона рублей. Что-то около 200—250 долларов. В те года люди сидели без зарплат по 2—3 месяца, а то и по полгода, по году. Помню эпизоды из тогдашних будней. На улице мужик с виноватой улыбкой объясняет прохожей: «А я работаю! Я работу, дорогая моя, мне зарплату не платят! Кастрюлями выдают!» Иду по тротуару в центре города, а впереди офи-

цер по форме, кажется капитан II ранга, подхожу ближе и вижу, что его белая фуражка запылилась на чёрных брюках и кителе пыльные же пятна, а сам он идёт шатаясь, пьян вдрызг. Кому-то зарплату не платили вообще, кому-то – «кастрюлями», т. е., тем, что на заводе непосредственно производилось. 70% населения стремительно нищало, 20 – существовали как-то, 10 были заняты в сфере «бизнеса», из них от силы 2% бесились с бешеными деньгами. Какая-то часть из них стремительно богатела. К ним-то и относился в те годы наш родственник.

Мой отец, инженер с пятнадцатью годами стажа на одном и том же комбинате тогда зарабатывал что-то около того же миллиона рублей в месяц. Зарплату задерживали месяцами. Мама сказала, что это первый заработанный мною миллион, и в честь этого знаменательного факта купила мне что-то из бизнес-принадлежностей, типа блокнота и ручек. Но деньги эти она предложила потратить на оплату перевозки мебели, которую «подарил» нам с барского плеча новорусский родственник. Речь тогда шла о том, что он собирался окончательно переезжать в «благоденственные» Соединённые Штаты Америки, на осторожные вопросы мамы, не собирается ли он кое-что из богатой обстановки пятикомнатной квартиры оставить в России, и если да, то можно ли это кое-что взять себе, он отвечал немногосложно и несколько отстранённо, что да можно. Так вот и состоялись эти «дарственные»: холодильник, большой, японский, двухкамерный, комод с зеркалом, двухспальная кровать и комод старинный, что-то из антикварных вещей. На мой вопрос, что, может быть, эти деньги я мог бы потратить на свою жизнь студенческую в ближайшее время, мама ответила категорическим отказом, что-то объяснив мне насчёт правильного распоряжения деньгами. Не хотелось пререкаться с родителями, да ещё из-за денег, и все деньги пошли на перевозку мебели. Рейс грузового транспорта в наш городишко был оплачен.

Думаю причиной моей ошибки в агентской деятельности была неустроенность: поиски рекламодателей на улице, звонки с общественных телефонных аппаратов, поездки в общественном транспорте – всё это вело к тому, что рано или поздно я совершил бы какую-нибудь ошибку при оформлении заказов. Так оно и случилось, я своей рукой вписал ошибочно цифру телефонного номера в бланк заказа. Процентом за заказ я тогда, естественно, не получил. Это как-то окончательно подорвало интерес к получавшемуся вроде бы делу. Не будь этого казуса, может быть, и дальше пошёл бы по этой стезе, однако с другой стороны также думалось и о том, что эта работа никак не связана с перспективами моего профессионального образования. Работать я тогда прекратил, вернее сбавил «пыл», ещё в этой газете и в некоторых других несколько раз были у меня заказы, которые принесли мне какие-то деньги, но в принципе я уже больше этим делом не занимался. Большая часть клиентуры, которую я тогда «поднял» для газеты звонила по телефону редакции, у меня не было мобильной связи, давать телефон квартиры родственника я не решался, а то туда был бы поток звонков, совсем не нужных ему клиентов. Сестра как-то интересовалась, как мои успехи – моего ответа о каких-то доходах она не ожидала. Как мне теперь кажется, не хотела она про успехи слышать, её комментарий был, что у неё знакомые лет пять до того пытались заниматься рекламой, но никто ничего не смог достичь в этом деле. То, что у меня что-то получалось, ставило людей в тупик – все приятели с улыбочками комментировали что-то в духе того, что «рекламный агент – это лох». Однако, когда они узнавали, что я смог за месяц заработать деньги, и не маленькие по тем временам, выражения их лиц разительным образом менялись. Все были отравлены ядом завистничества и ревности, откуда его столько взялось в советском народе? А у Евсеева дело, между прочим, пошло в гору, газета приносила деньги и пухла с каждым месяцем, начавшись с 2-х газетных листов, за каких-то 3—4 года она потолстела до 32-х и далее до 64-х, и он-то знал, по каким причинам, и мой вклад в дело ценил.

Евсеева я встретил в 98-м году, случайно, он узнал меня, стал сразу же предлагать мне работать агентом в его проекте, обещая баснословные проценты – 50% с заказа. Интересовало его сотрудничество со мною весьма и весьма, я это видел. Однако в тот раз моя голова была

забита повелительными заботами родственника, вещавшего мне о прожектах моего переезда в Америку и учёбы там, я Андрею отказал, объяснив, что у меня другие планы на будущее. Вещания родственника, как это и можно было с самого начала предполагать, оказались лишь пустым певческим звоном, которым наше отечество было переполнено в 90-е годы.

Через несколько лет совершенно случайно во время посиделок на служебной квартире один из сослуживцев упомянул как-то, что одно время он хорошо был знаком с Евсеевым. Это было темой для нашего разговора, третий наш компаньон понятия не имел ни о Евсееве, ни о газете «Дальпресс». Со слов Ивана Анатольевича, у Евсеева он часто бывал дома в гостях, общался с кампанией, которая занималась тогда созданием этой газеты. Этот скользкий и хитрый тип туманно намекал, что кто-то там в этой кампании был из голубых. Все, вертевшиеся в кампании зачинателей газеты, заработали немалые деньги. Газета была действительно новым делом, а дела в этой нише рекламы шли в гору. Кто-то заработал на квартиры, на машины. А мне тогда не хватало только лишь стабильной, в идеале мобильной, конечно, связи. Хотя бы пейждера. Львиная доля моих заказов шла на телефон «Дальпресса». Люди называли моё имя также и по телефону, но по правилам заказ на телефон редакции не шёл в учёт рекламному агенту. Редакция хотела денег! Иван Анатольевич поведал мне, что через какое-то время денежные и влиятельные люди почуяли, что дело, которое поначалу никто всерьёз не воспринимал, а газету называли не иначе как газетой для «сосулек», ибо массово фирмы досуга давали там объявления, и минимум одна полоса уходила только на их рекламу, оказалось в 98-м году настолько раскрученным и денежным проектом, что за него началась войнушка. Каждый паучок хотел оттяпать себе жирненький кусок. Евсеев оказался лишней фигурой, его из газеты выставили, новым редактором посадили Аббасову, лицо, представлявшее интересы какой-то влиятельной группы. Судьба Андрея неизвестна, что авторитетно подтвердил и скользкий Иван Анатольевич.

В последний раз, когда я видел газету «Дальпресс», это было уже пухлое издание, 64 листов толщины. В 95-96-м годах она была из 4—8 полос. Распространялась она частично бесплатно (как это было заведено Андреем в первые годы существования газеты), частично уже по подписке. Надо будет посмотреть, что же газета из себя сейчас представляет. Вообще, интересно было бы узнать о судьбах Андрея да тех, кто работал тогда в газете.

Отступление для обществознания – судьба одной мышки. Я вернулся в общежитие первым с зимних каникул, когда зашёл в комнату, меня сразу же неприятно поразил тяжеленный запах в комнате. Непонятно отчего и откуда он исходил, но видимо дело было не только лишь в непроветренном за две прошедшие каникулярные недели помещении. Мои поиски предполагаемого источника запаха не давали результатов, открытое окно вытягивало потихоньку воздух из комнаты, обогащая его кислородом, но неприятная тяжесть в воздухе стояла, она, казалось, впиталась за две недели в вещи и стены комнаты. Вскоре пришёл мой сосед по комнате и мы стали совместно искать источник «радиации». Это же всего лишь комната, не Росфедерация! Поиск наш не давал надежд на успех, мы решили попить чаю. Чайник вскипел, мы взяли открытую трёхлитровую банку с вареньем, которая стояла на кухонном столе. Уже кто-то из нас полез туда ложкой, чтобы черпнуть вареньица в чай. И тут до нас дошло – запах исходил из недр наполовину наполненной банки, в варенье было что-то неестественно серовато-грязноватое, пятно, покрытое плесенью. Через минуту-другую мы разглядели, что это было. Мышь запрыгнула в банку с вареньем, выпрыгнуть она, естественно, уже не могла, и оно засосало её, как в болото. «Слетала» мыша за вкусненьким... Запах исходил из этой банки, простоявшей с покойницей сколько-то дней, а то и все две недели, в закрытом помещении. Банку мы выкинули, так, слава Богу, и не успев отведать её содержимое.

Несостоявшаяся любовь

Златовласка идёт по Земному миру, невидимая нам, окружённая целой стаей птиц, сиринов, алконостов, гамаюнов и фениксов. Песни их и вид их вряд ли можно передать человеческим словом, иначе быть бы нашему миру переиначенным по совсем другим законам мироздания. Она, её птицы властно вмешиваются в ход вещей нашего мира, меняя судьбы и предназначения, иногда даже вселяясь в наши телесные сущности.

Она была прекрасна, блондинка, с милыми чертами лица. Что самое главное, она на меня очень даже обращала внимание. И мне было трудно отвести от неё глаза. Но какая же это гнусная отравка, культ идола золотого тельца, вбивавшийся так усиленно в нас в 90-е годы. Право на признание, право на женщину имеет только тот, кто успешен по жизни, кто имеет: деньги, машину, квартиру, перспективы и связи. Да, и сотовый телефон вот ещё. Только избранные носороги и слоны, вломившиеся в мир бизнеса и удачи. Им улыбаются женщины, самые красивые женщины, обольстительные и прекрасные. Даже если эти прекрасные женщины не страдают такими примитивными предрассудками, у тебя всё равно в мозгу свербит эта предательская заплесневелая мышка, «а ты не достоин её!» Глупости всё это. В головах тогда гулял сквозной ветер, юность – плохой советчик в делах житейских, где нужен человеческий жизненный опыт. За неимением одного и происходят глупости, и в этом случае типичная для «лихих» 90-х и произошла: ничего серьёзного в нашей жизни в тот раз не изменилось. Носороги, слоны стоят нестройными рядами и машут рогами и бивнями, хитро поглядывая по сторонам маленькими пожирающими всё глазками. Опьяняюще дико пляшут бесы, сорвавшись с цепей, казавшихся ещё недавно такими прочными и надёжными. И вот все эти массы мяса и потных похотей приходят в движение, отбивая в ритм столбы пыли и вытаптывая травы и цветы. Всё это надо как-то прекратить, изменить ход вещей, грозящий выплеснуться из чаши хрупкого Земного мира.

А в Новый год, когда были шансы всё в жизни поменять полностью, в Новогоднюю ночь 96/97 годов, во Владивостоке были гроза – самая настоящая, с молниями и громом – и редкостной мощи снегопад. Как будто Перун громовержием своим преследовал распоясавшихся бесов, скачущих из одной души в другую, прятавшихся в кошках, сопках и нырявших под прибрежный лёд. Всё было завалено сугробами, транспорт не ходил день или два или даже три. Знак Божий, наказание за одурманенность человеческую, за дурь непросветную. Мокошь ушла в тот раз, оставив чудаков из приморских захолусть с носом и легионом бесовщины.

Без вести пропавший

Мы приехали на Кунгас – что это такое, я тогда ещё толком не представлял себе. Оказывается, мыс на берегу моря, во Владике. Какой повод был тогда выпить, теперь уже я и не помню, может быть День Военно-морского флота, пили мы водку из пластиковых стаканчиков, закусывали шашлыками. С моря дул ветер, по сути в головах у нас гулял тоже сквозной ветер. Алкоголь разгонял обороты «безбашенности», музыка задавала развалистый ритм припляжного настроения, но все старались вести себя чинно. О чём-то переговаривались. О будущем. О настоящем. Шутили.

Лис был самый уверенный среди нас молодой человек, хоть и старше то меня всего года на два. Не блатной, но парень профессионально «трёс» торгашей. Рассказывал, что как-то участвовал лично в «теме», когда один коммерс хотел кинуть другого, и вот они его отловили да выбивали в каком-то гараже из него «бабло». Наверняка так оно и было. Его брат, Пашка, попевал по стопам брата. Никто из нас таким ремеслом не занимался, все только строили планы на будущее, слишком много тогда в нём было неясностей. А уже через годик все мы разбежались по разным углам да весям.

Про Лиса после того я ничего не слышал лет десять: один из нашей тогдашней шашлычной кампании как-то сообщил, что Лис с бригадой выезжал году в 2000 в Красноярск на усиление какой-то тамошней группировки. Потом вернулся во Владик и занимался тем же «ремеслом». И вдруг исчез. Непонятно куда и как. С тех пор про него ничего не известно, он считается пропавшим без вести. А таких судеб, затоптавших другие и затоптанных потом другими носорогами, было в то время множество.

Стряхните с себя этот злой сон.

С некоторых пор меня преследует один злой сон, повторяясь временами, но регулярно. Два хвостатых существа скачут вокруг некоего человека, идущего по коридору, и неистово веселятся. Причём навстречу ему идут какие-то тени. Тени временами останавливаются и пытаются ему что-то сказать, о чём-то предупредить его, но он их только видит. Человек идёт под конвоем, конвойные не замечают ни теней, ни хвостатых, ни меня. Скоро этому человеку придётся умереть. И вот скрежет и грохот какой-то подвально-преисподней трусости нарушает покой, и всё кончено.

Отступление для обществознания – коммунизм. Много лет позже был я в гостях у Андрея Дружинина, художника. Жил он в интересной квартире, в ней не было вообще ни ванны, ни душа. Из санудобств – только унитаз и раковина в туалете и раковина в кухне. Он мне поведал, что дома эти в их микрорайоне строились в 1950-60-е годы, аккуратно во время кампании по итогам громогласного заявления Хрущёва о «нынешнем поколении советских людей» и приближающемся коммунизме, при этом главная идея состояла в том, что при новом общественном строе не надо будет индивидуальных ванн, а люди должны будут посещать общественные места омовения, типа бань. Говорят, что даже и насчёт общественных уборных проект витал в воздухе, но эти санудобства решили в квартирах оборудовать. В общем, всё должно идти по пути обобществления и кооперации. Как мы учили в школе, согласно Ленину коммунизм – это кооперация плюс электрификация всей страны. Кстати, кооперативный тип живности, тараканы, уважают и электрификацию, они в нашей комнате в магнитофоне поселились массово, вечерами из магнитофона, из щелей настроек радио торчали усы этой живности. Мы, бывало, срезали эти усы ножницами.

То общежитие, в котором я жил, было, пожалуй, за весь мой жизненный опыт (а я немало в каких общежитиях и коммуналках пожил на своём веку) наиболее предметным выражением идей коммунизма. Приближенным к земле, к реальности. Кооперация была, само собой, там

наиболее выраженная. Большая кооперация, вероятно, возможна только в армии да тюрьме. Получается, что при этой системе привольно жилось тараканам да мышам из живности. Тараканы, как высококооперированная структура и стойкая биологическая единица, способны пережить не только ядерную войну, но и коммунизм. А вот люди там убивались регулярно. В соседней комнате, вон, Лёха Зайцев, Царствие ему Небесное, пьяный уселся на подоконник да и выпал в окно, с 6-го этажа. В его случае, в отличие от Акваланга, полёт имел летальный результат... Оторвалась его душа опойцы от тела, и в неё вцепились, было, когти бесов, но в тот момент ступила именно туда Мокошь-Златовласка, и разогнала чёртово племя одним лишь махом копья с ожерельем-оберегом на древке. Алконост слетел вниз и забрал его душу, упрятав её от покушений и опасностей под своё перо. Дальнейший её путь будут решать в других мирах те, кто судят носивших православный крест, а Лёха его носил.

Случай в Москве

Побывал я как-то опять в Москве, опять у тёти Любы. Огромный город, снующие потоки людей, машин, несущихся в бешеном темпе по делам, озабоченных проблемами, поддавшихся ритму неистовой клубной музыки, мечтающих устроить святой и блаженный уголок рая в своих многоэтажках. Готовых на всё ради этого. Был там случай, котры я сам наблюдал. Я видел, как парень один воровал: в московском роскошнейшем ГУМе, при всех, в таком деле вряд ли возможен успех. Заходите в зал – продавщица встречает с улыбкой вас, но ведь она наблюдает за Вами, идёт неотступно всегда, товар предлагает, за Вами следя. За белым прилавком напарница ждёт, когда покупатель к ней сам подойдёт, и очень внимательно смотрит сейчас, оценивая сколько ж денег при Вас. Ещё есть охранник. Он ходит по залам и смотрит Вам в спину надменнейшим взглядом: всегда он узнает по Вашим глазам, каков посетитель вошёл в этот зал. Как видите опытный там персонал, но он техникой хитрой страхует себя, и видеокамера всё там снимает, любое движение враз замечает. На каждый товар там штрихкод нанесён, а выход пластинами ведь обнесён, и если на кассе штрихкод не отмечен, преступник пластинами будет «засвечен». В начале сей басни я вам уж сказал, что дерзкую кражу я ту наблюдал, о том, что приятель мой что-то украл, я после, на выходе только узнал: простой покупатель вошёл в светлый зал, и он с продавщицей духи выбирал, за ним наблюдал и охранник тогда, и техника ГУМ ведь в тот раз подвела. Спросил я: «Зачем же украл ты духи?» Ответил он мне: «Чтобы запах они дарили подруге, и пугает меня в большом ГУМе том лишь большая цена». Действительно, ведь по карману она лишь лицам с мощною большой и без дна. Мораль этой басни проста и важна – не надо людей презирать без конца.

В Белоруссии

– Проходите, пожалуйста, вот Ваши постельные принадлежности, – проводница, пожилая женщина с необычно красным лицом, говорила ещё что-то, советовала как расположить «вежчи», и в её речи чувствовался этот вот говор, необычный для моего уха – белорусы проговаривают «жч», «шч», «жэ» -кают и «ще» -кают они не так сильно, как поляки, но тем не менее в речи слышится вот этот вот необычный для нас диалект.

По каким-то мелочам чувствовалась разница в обслуживании поездов у нас, на Дальнем Востоке, и здесь, в сообщении Москва-Минск. Здесь были коврики в коридорах и купе, занавески на окнах были расшиты характерными для тех мест узорами, которые сразу же напоминали о Белоруссии. Бельё было выдано одноразовое, с фирменными штампами на пакетах. Кажется что-то ещё было такое, что обращало на себя моё внимание, сейчас уже и не помню.

Мы выпивали водку «Кристалл», которая считалась здесь качественной. В то время в наших краях «марку» держала «Арму». Мы с собой привезли также что-то из наших сувениров – джин ли «Чёрный бархат» или «Настойку на пантах», но что-то такое, дальневосточное.

Из сути застольных разговоров на политические темы я усёк, что «батьку» очень уважают пенсионеры, люди старшего поколения, а вот те, кто помоложе, особенно те, кто занимаются бизнесом, совсем другого мнения о нём. Тем не менее, такие разногласия не были поводом для преломления копий и все эти вещи обсуждались за столом без персональных пристрастий.

Мы выпивали за знакомство, за здоровье, за родителей. Закуска была горячей и вкусной – при том, что я никогда не был любителем сала, здесь запечённое свиное сало с хрящами уходило «только в путь». Никогда не едал таких блюд. Как и картошки такой вкусной – казалось у неё есть свой собственный особенный вкус, и ею одной можно наесться. Это белорусская картошка.

«Побережно, двери закрываются, наступная станция «Плошча Перемаги» – конечно, такие объявления звучали смешно для нас, как и забавно было читать вывески, в которых название водки было не иначе, как «Горелка».

«Наступная станция Плошча Якуба Колоса».

В Минске две ветки метро, мы выходим из метро. Памятник этот, Якубу Колосу, со стороны кажется монументом запорожскому казачине, прикручинившемуся где-то на завалинке. Памятник со стороны, даже не так уж издали кажется небольшим, но когда я подхожу ближе, вижу его мощь и стать: сажусь на ботинок Якуба, сидеть можно, как на стуле. Эта фотография всегда производила впечатление на знакомых – я сижу на его ботинке, а он смотрит вниз, почти на меня, подперев рукой подбородок.

В парке чисто, мы встречаем монумент, читаю надпись – здесь, в этом парке, принял бой танк Т-34 в 1941 году, весь экипаж геройски погиб – их имена перечислены на монументе.

Мой дед рассказывал в одном из писем, что как-то летом они с друзьями, его сверстниками отправились на природу – кампания была человек десять-пятнадцать. Взяли с собой водку, закуску, расположились с гитарами, развели костёр. И вдруг выяснилось, что никто не взял рюмок – как это нередко бывает, каждый подумал, что кто-то возьмёт обязательно. Рюмок нет, а водка есть – кто-то предложил выпить сырые яйца, которые были на столе, а водку решили пить из яичных скорлуп. Так и сделали. Один парень в кампании вспомнил старую-старую примету в их краях: пить водку из скорлупы – к войне. Все посмеялись и продолжили застолье. Происходило все это дело 22 июня 1941 года, все ребята из этой кампании,

курсанты военных училищ, танковых, артиллерийских, в войну погибли. Один мой дед, учившийся на гражданскую специальность, остался в живых.

Память о войне в Белоруссии и сейчас очень живая тема – война дважды «пропахала» эту землю, этот город. Один раз, когда отступали в сорок первом, второй раз, когда освобождали в сорок четвёртом. Много людей погибло. Много чего было разрушено – в Минске из всего довоенного великолепия сохранились, может быть, только фонтанчик XIX века, сложенный из камней, в Александровском саду, да Троицкое предместье. Предместье выглядит как польские уютные улочки.

Много было разрушено на той земле, а сама она переполнена заложными покойниками. Куда идти их душам, если они при жизни не были крещёными и в Бога не веровали и тем гордились, а если были верующими, то не были похоронены по обычаям и правилам их веры? Вся Белоруссия стала огромной скудельницей, здесь мнутся души убитых, здесь несчётные судьбы так переломаны, что и Мокошь, и вся её свита, и вся её птичья стая должны сюда заглядывать почаще.

Комаровский рынок – здесь кое-где мимо нас проходили некие люди и как зомби шёпотом говорили, глядя прямо перед собой, как бы мимо нас: «Доллары, рубли». Батка гнёт свою экономическую политику, и те, кто занимаются коммерцией, дружно его хаут. Не знаю, насколько такое мнение справедливо и справедливо ли вообще. По крайней мере, с обменом валюты там были явные проблемы, в связи с чем и ползали такие вот «жучки».

На рынке мне запомнились длинные ряды с развалами сала. Наверное, его в Белоруссии любят не меньше, чем на Украине. Однако белорусское сало всё пересыпано тмином – обычного сала мы так и не нашли.

На улицах стояли толпы торгашей – некоторые выглядели очень колоритно. Один парень в очках, в джинсах и кожаной куртке, лысый до отблесков солнца на голове, громко и со смехом обсуждал с кем-то выгоды бизнеса с Польшей, а также комментировал свою «причёску», которую ему предлагали отполировать кремом для обуви.

В центре города, насколько я помню, перед зданием президентского дворца или парламента, на площади стоит небольшой монументик-пирамидка. На четырёх гранях пирамидки написаны направления сторон света. Всё-таки мне кажется, геополитический центр Европы – Берлин.

На одной из улиц стоит необычный памятник – несколько плит железобетонного забора, которые все измалёваны мемориальными надписями в память о Викторе Цое.

В Белоруссии есть своё море – знаете ли Вы об этом? Когда я показываю кому-то фотографии, сделанные на нём в сентябре, люди сперва недоумевают – я стою, улыбаюсь на фоне водной глади, на которой отчётливо видны снежно-ледовые глыбы.

Фокус прост и необычен – никогда не видел таких гигантских клубов пены, она сбивается слабой волной в каком-то одном направлении, образует «торосы», «льдины», которые кучей скоплены в одном месте. Со стороны смотрятся они как ледово-снежные острова, на которые как будто бы можно даже ступить. Но это обман природы.

Водохранилище это вероятно самое большое в Белоруссии, застроено во многих местах коттеджными зданиями. Однако вода в нем забита водорослями, зеленью, может ещё какие-то эффекты содействуют образованию этого вот «ледового» покрытия. Говорят, это «море» – место для престижных коттеджей, часть берега изъята под усадьбы и виллы «на берегу моря».

Ещё одно яркое воспоминание – прогуливаясь вдоль Припяти, в которой плавали уточки, увидели островок, на котором было какое-то строение типа церквушки. Подошедши ближе,

решили перейти по мостику на островок – это оказался монумент в память о погибших в Афганистане. Белоруссии досталось отведать только из этой чаши, у нас в России по сию пору не может затухнуть пожар на юге.

В тот раз в Белоруссии видел я деда своего во второй раз в жизни. И в последний. Через полгода он умер.

Бухта «Три поросёнка».

Есть под Владивостоком, на берегу моря, Японского, настоящего моря, такая бухта, откуда название пошло, не знаю. В тот год там был фестиваль авторской песни «Приморские струны». Я добрался тогда до него самостоятельно, на большом пляже нашёл делегацию из нашего городка, и присоединился к этой малознакомой мне кампании. Всё было в традиционной для этих мероприятий манере. Песни, костры, водка, самогон, песни, купание в море, пиво с утра, песни. С утра же пораньше трезвеющие и опохмеляющиеся барды, каждый юморит над другим, по поводу и без особого повода. Конкурсы, байки, песни. Новые знакомства. Анекдоты. Заключительная общая песня.

Глобус, мой приятель, поручил мне найти там бивуак владивостокского или уссурийского «турья», передать привет Коле Чикеру. Кто это такой мне тогда было неизвестно, но со слов моего товарища, это был мировой человек, и на фестиваль этот стоило ехать уже только за тем, чтобы с ним лишь познакомиться. Позже я подобное же мнение услышал и от многих других моих друзей да знакомых. Только вот в тот раз не удалось мне найти ни уссурийцев, ни владивостокцев-туристов, как-то что-то не сложилось вот в тот раз, хотя наверняка они там были все, и Николай Чикер был там тоже. Жив он ещё тогда был. Когда через три года был я во Владивостоке, было уже поздно – он уже умер...

Вот так вот, не успел с интересным человеком познакомиться. Просто из-за совпадений, случайностей, которые происходят в жизни и складываются в неизвестные нам закономерности. Где-то в Земном мире, но не в нашем измерении, кто-то эти закономерности измеряет своими весами, высчитывая последствия каждого шага и взгляда, определяя по неизвестным нам слагаемым то, что должно произойти из-за определённого хода вещей, который может сложиться так или иначе. Судьба, благоденствие и удача были по представлениям наших пращуров в руках потустороннего существа женского пола, Мокоши.

Если вы будете во Владивостоке и повстречаете кого из туристических да бардовских клубов, помяните обязательно Николая Чикера, там его помнят очень добрым словом. Должно быть, был он хороший и интересный человек.

Зеркальное, Солеварка, Лангоу, Лидовка, Два Брата – всё это пляжные места в наших краях. В те года мы немало по ним ездили, здорово было на море.

Как-то выбрались мы в августе, с ночёвкой, с палатками. Серёга играет на гитаре, отлично играет, предпочитает он Розика, так он называет Розенбаума, в его исполнении эти песни звучат действительно хорошо, это его любимый певец. Мы неспеша едим – макароны по-туристски, с костерка, с приятным привкусом дыма. Слегка выпиваем водки. Пьём чай, изумительный чай, сваренный на костре, вкус его, запах – совсем не то, что «квартирного» исполнения. Уже ночь, темно, и мы лежим, глазеем в небо. «В небесах торжественно и чудно», так эта картина у классика описана. Очень верно сказано. «Ловим звёзды» – август, и когда по небу чиркает метеорит, надо загадать желание. Только вслух не говорить, а то не сбудется.

Через год я у Серёги научился играть на гитаре. Не мастерски, но хоть как-то сносно он меня научил этому инструменту.

У него был талант к игре на гитаре. Был, да вышел: ещё год спустя на работе его отправили на электрорубанке работать, бункер был забит стружкой, он взялся его вычищать – и три пальца на левой руке у него срезало... Работал он на крупном, градообразующем, предприятии. Предприятие так бумаги составило, акт формы Н-1, что вышел он сам виноватым. Пытался он правды в суде сыскать, да где ж там, предприятие то – градообразующее, и судьи у него на цепи сидят, как бесы в пещерах потустороннего мира.

Видел я его ещё год спустя, он пытался играть на гитаре с перетянутыми в обратном порядке струнами и правой рукой брать аккорды, а левой с медиатором играть. Но это было уже не то, его шикарного щелчкового боя уже никогда и никому не слышать. С тех пор не видал я его.

Выборы

У нас была собака, пёс, кобель, эрдельтерьер. Красивое сильное животное. Это порода, как в «Электронике» Рэсси была. Я с ним регулярно ходил гулять, на сопку, как правило на речку.

В тот раз мы пошли на речку, небольшая такая река там, раньше в неё горбуша заходила постоянно, на нерест. Как на Сахалине, говорят, бывало. Потом построили там комбинаты, заводы, рыба где-то с 50-х годов перестала туда ходить.

В кризисные 90-е годы заводы-комбинаты начали вставать, не так интенсивно работали. В советское время на одном из них производили в год около 180000 тонн борной кислоты, при «новом порядке», в РФ, если выпуск достигнет 10000 тонн, то это уже радость будет. Заводы наши пошли на убыль, если в 1990 г. на том комбинате работало почти 10000 человек, то сейчас меньше 2000. То, что в других странах оберегается, бережно наращивается, развивается технический опыт, знания, сознание людей, поставленных на это дело, всё то, что нельзя купить за деньги, всё то, что было создано за ряд десятилетий, за целую эпоху, всё это идёт на убыль, приходит у нас там в расстройство.

Зато вот рыба стала опять заходить временами. Не массово, но тем не менее, факт, подтверждённый многими. Там на некоторых заводах в самый рыбный сезон массово народ «болеет»: берут больничные, очевидно, делают бумаги у врачей за магарыч и «лечатся» на лове красной рыбы. Оказывается, для кармана гораздо полезнее, чем в смене вкалывать. Такие вот гримасы «дикого капитализма», нескончаемого «периода первоначального накопления капитала».

Один сослуживец рассказывал, что поехал он как-то на рыбалку на Иман, реку в Приморье, где традиционно хороший лов рыбы. Только он с собой ничего не взял из рыболовных принадлежностей, взял лишь ящик водки. Приехал, устроил костерок, кругом тоже бивуаки, народ «лечится», микстуру крепостью 40 и более градусов употребляет. Ну, он пошёл аки коробейник по кострам: «Мужики! Водка есть, меняю водку на рыбку!» Мужики ему в ответ кричат, что, мол, у нас у самих хватает, мил человек! Несмыслёнши, кто ж на рыбалку пустой ездит! Он в ответ, типа, ну ладно, мужики, смотрите, если что вон там мой костерок. Заходите на огонёк!

В полночь первый ходок пришёл: скока ни бери волшебной воды, а всё равно придётся бежать ещё за одной! В общем, к утру у мужика весь ящик водки ушёл, он прикинул, за ящик водки он где-то двадцать рыбин и получил. Поехал домой, как водится в тех краях, менты на дороге трягнули, им пара рыбок ушла. Дома, говорит, проверил, половина рыбин с икрой оказалась.

Мы с моим псом идём в сторону речки, было тепло, по-летнему, и примерно о таких вот вещах я подумывал, а также по ходу прогулки обращал внимание на присутствующие всюду плакатики «Нам здесь жить!» В том году в Приморье выборы губернатора были. Как я помню, дрались две основные группировки, одна шла на выборы с этим вот лозунгом, основной лейтмотив их избирательной кампании. Другая, как говорили как бы не громко но достаточно часто, была от криминальных кругов, некие заезжие гости из Хабаровска. Помню, на джипах прикатали они, команда лиц, не обезображенных интеллектом, стрижки максимум два-три миллиметра. Сразу видно – «крутые». Что-то вещали они на встрече с избирателями. Невнятное. У меня лично сложилось впечатление, что сборище полууголовников. Другая группировка показывала себя более презентабельно, костюмы, на темы различного рода общаются, на вопросы про казначейское исполнение краевого бюджета не смущаются отвечать. В общем, вроде как на всех производят благоприятное впечатление. Однако уже тогда немало информации просачивалось (в основном через интернет) о том, что и там нечисто: у кандидата,

например, в криминальных кругах клички Шепелявый да Пудель. Правда, нет? Никто толком не знает, но всё это должно заставить задуматься. Только вот выбирать-то больше и некого. Где же они честные и ответственные политики в Росфедерации, в России? Такое впечатление складывается, что нет таких. Давно поизвелись. Вернее, давно их поизвели. Затевают выборы – а выбора-то и нет! Выбирать не из кого, один хуже другого, и совершенно не понятно какое из зол меньшее.

Мы проходим далее традиционным нашим маршрутом, вдоль речки, дворами комплекса центральных больничных учреждений. Вот и парк, а тут и последнее из зданий, имеющих отношение к медицине и поправке здоровья в Росфедерации, – центральный городской морг. В общем-то, наверное, удобно, недалеко от других оздоровительных учреждений. Стена его выкрашена в фиолетово-серую краску, почти шаровую, такую, какой наверное военные корабли красят. Стена абсолютно голая, под самым козырьком крыши крохотные форточки. Вокруг никого. Тишина, только журчание речки рядом. Напоминает о вечности природы. Остаточная цивилизация, деревья парка, речушка и тропинка вдоль серого здания. Сколько душ здесь в этой тиши обитает и ищет своего дальнейшего пути? Какая невидимая и неслышимая нам мельница судеб тут вертится, какие страсти мечутся?

Проходим мимо него, и вот за углом, на торцевой стене здания наклеен этот плакатик – что-то в ярких красках, счастливые улыбчивые лица не то учителей, не то врачей с предполагаемым губернатором, уверенно улыбающимся с плаката с жизнеутверждающей надписью: «Нам здесь жить!» На серой стене морга смотрится, так сказать, вызывающе. Да и яркие разноцветные краски не в цвет шаровой стенке морга. Основное городское кладбище расположено не так близко к медицинским и прочим учреждениям охранения здоровья, находится оно за городом, но я более, чем уверен, приедь туда, походи среди могил, и где-нибудь на каком-нибудь столбе или доске объявлений найдётся обязательно этот вездесущий плакатик.

Те выборы выиграла группировка с жизнеутверждающим лозунгом, PR-агентство тогда расстаралось на славу. Из непроходных кандидатов выбрали-пропихнули полунепроходного. Не знаю я, как эта вся кухня варится, но говорят, предыдущий губернатор на выборах в 90-е годы в Москву за победу на выборах откатывал 25 миллионов долларов. В стране инфляция, цены растут, растут и политические риски – сколько их в самолётах-вертолётах тогда сыпалось, губернаторов-бизнесменов этих? Мне лично навскидку припоминаются такие фамилии как Лебедь, Фархутдинов, Боровик, Бажаев. Риски растут, и ставки наверняка растут – то, что десять лет назад стоило тысячу долларов, нынче встанет уже в червонец. Выборы-выборы, а выбора то и нет. Десятилетия фильтрации допущенных в политику через чекистские проходные и подвалы дают уверенные результаты – из подворотен подсовывают только «непроходных» да «полупроходных», и в итоге всплывает только какой-нибудь проходимец на финише.

В одном я уверен: те, кто на выигравшего полупроходного ставили, отыграли очень даже неплохие прибыли. Проиграли избиратели – как всегда: на досуге посмотрите статистику убыли населения на Дальнем Востоке за последние двадцать лет. В рулевой рубке кораблика истории засели непроходные-полупроходные, и они массу людей за борт спихнули.

Лучегорск, бард-фестиваль

«И тут разбойники пустились в пляс!» – парень в забавной кепочке и чёрной куртке, бросился на освещённую костром площадку, вокруг которой сидели мы – барды и просто любители самодеятельной песни, которых собрал фестиваль авторской песни в Лучегорске. Парень, как говорится, отжигал, всеобщий гогот и гомон одобрения этой инициативы поглотил звуки песни, кто-то ещё продолжал наяривать «Не желаем жить по-другому», но в основном народ пустился действительно кто в нетрезвый пляс, кто в разговоры, кто (по большей части) предался бряцанию кружками, в которых плескался сэм, ядрёный, местного производства самогон. Раздолье и приволье для всякой несусветной забавы, там, в несусветности, наверняка тоже пустились в пляс все, кто только был рядом, и уж Алконост по праву был там главным певчим.

В темноте коренастый и несколько толстоватый парень в очках втолковывал что-то себе-седникам насчёт того, что здесь он действительно нашёл то, чего хотел, настоящий фестиваль авторской песни, что такой фестиваль – это как раз то, что бывает у него на родине, в Ростове-на-Дону. «Ба! Ничего себе-себе!» – думаю, – «Это сколько ж тысяч километров отсюда?» Нормально, так парень приехал на фестиваль. Думаю, надо немного здесь задержаться, послушать его ещё, поспрашивать да пообщаться, как говорится, но меня отвлекает всеобщий взрыв не то рёва, не то смеха – один не в меру общительный товарищ из Уссурийска несёт на плече кого-то, опять же при освещении уже затухающего костра. Что его спровоцировало на такую шутку относительно именинника так и осталось для меня невыясненным, но нёс он – «А щас мы его унесём, унесём-унесём!» – здоровяка из нашей делегации, Саню Омбыша. Тот комедию поддерживал, и оба через минуту-другую предложили перейти в помещение корпуса, где и продолжить торжество. Все дружно поддерживают эту идею, мы компанией перекатываемся в помещение, где рассаживаемся за столами, составленными в один ряд, гомон, гогот, опять песни. Поздравительные речи, тосты. В нашей компании звучит идея о том, что можно продолжить самогоном, пренебрегая водкой, имеющейся на столе. Витя Сафонов высказывает сомнения, однако я поддерживаю Сашу Рябко, владельца особо крепкого напитка, есть желание сравнить лучегорский и наш – «какой вкуснее»? Нашего немного, пластиковая бутылочка, кажется, была 0,33, на удивление пьётся легко. На удивление потому, что всё-таки отдаёт «сэм» спецификой кустарного производства. Не сильно, но что-то в нём есть. Крепость точно есть, перебивает привкусы-запахи.

Я вклиниваюсь в общий поток поздравлений имениннику и объясняю ему, что сейчас и наступит торжественный миг, когда я вручу ему мой подарок на день Варенья, который вёз специально в качестве презента в столь весомую дату. На столе появляется мой бренди, «Чёрный аист», мы комментируем, что в былое время чёрный пластик на его пробке был с «позолоченной» рельефной картинкой птицы. Коньяк (пусть даже бренди) тоже пьётся хорошо, благородный напиток и крестьянский не вступают во внутреннее противоречие.

Песни, поздравления, «С нею тоже можно и в путь и в бой», гитара по кругу, «Я на вершину поднимусь, своей рукой качну луну, и звёзды яркие в ладонь смогу собрать я...», гитару имениннику, «В два конца идёт дорога, но себе не лги – нам в обратный путь нельзя», хором, «здесь косынку голубую я прищурившись искал. И забудутся едва ли...» Постепенно всеобщее заседание распределяется более по группам, которые растекаются по помещениям корпуса – за столом остаются немногие, некоторым из которых суждено встречать утреннюю зарю именно здесь. Мы какое-то время ещё бодрствуем, вращаясь в потоке общения, переходя из комнаты в комнату, однако постепенно укладываемся на ночёвку в спальники. Я сижу в кресле и подпираю челою стекло, и внезапно вижу картину двухлетней давности – наш автобус-утиг встал посреди таёжной дороги, и даже всемогущий Петрович, водитель, ничего не мог с ним поделать, выручили наши совместные усилия. Мы дружно упёрлись руками в горб и рас-

толкали утюжок, отправляемся в путь, в бард-автопробег, туда, где за туманными сопками плещется Японское море, попираемое «двумя братьями». Сон-пятиминутка обрывается усилием подсознательной воли – поднимаюсь, иду и падаю в спальник. На следующее утро предстоит более официальная часть мероприятия.

А того парня, который Саню таскал на плече, встретил я пару лет спустя в Уссурийске, он оттуда, оказывается. Был он на условном, за что его осудили, он не стал нам тогда говорить. Как и в тот раз в Лучегорске был он изрядно пьян. Видать по пьяному делу и натворил он чего-то подсудного.

Смерть

У меня было плохое чувство все несколько дней перед тем. Как червячок, который точит и точит изнутри, сильнее и чаще, реже и не так сильно, но постоянно. И ничего поделать нельзя. Это Сириин поёт свою печальную песню, он уже знает точно, как дальше здесь всё сложится. Где-то ещё призывно завывают Симарглы, но они не печалются, а предчувствуют скорую встречу с ещё одним, который вступит в их стаю. Почему-то у собак жизнь гораздо короче, чем у кошек. По нашим меркам ему было бы уже 80 с лишним, если умножить на 7 его года. В последние месяцы он был почти постоянно хмурый, тусклый потухший взгляд выдавал его постоянное страдание – на спине были болячки, «шишечки», как мы их называли, которые были в течение скольких-то лет небольшими, горошинками, похожими на напившихся кровью клещей. Но в какой-то момент одна стала расти и расти, выделяясь уже неестественно большим уродливым размером на его спине. Другие тоже росли и когда-нибудь стали бы такими вот безобразными блямбами. Я видел, как он смотрел по временам на свою спину, принохивался к непонятной напасти, вылизывал «шишечку», в его глазах читалось недоумение. Такого он ещё не встречал. В какой-то день он начал уже не только лизать эту «шишку», но и как бы прикусывать её слегка. Видно было, что ему было неудобно с нею.

Врач сказала, что прооперировать можно, но гарантированно вырастут другие, возраст у него уже не тот, чтобы такие операции по удалению опухолей переносить. Мучиться он будет. Сейчас-то на него было больно смотреть. Неудобно ему, больно. В какой-то момент он сгрыз, видимо, эту «шишечку». И она стала кровоточить. Он её вылизывал, она не проходила. К прихрамыванию лап – а задние лапы у него уже года два «припадали», как у ревматика, и хвост мотался из стороны в сторону не так бодро, как раньше – у него добавились какие-то уловимые глазом неестественные движения во время ходьбы, его как бы поводило в сторону слегка. Я думаю, ему было больно, может быть другие «шишечки» тоже начинали свою активность. Было жалко его, точил червячок жалости, тоски, сомнения, песня Сирина лилась где-то там, не слышная уху, но заполнявшая подсознание.

Врач в очередной раз вынесла свой вердикт, прозвучавший приговором, операцию он может не пережить, если и переживёт, то будет мучиться, дотянет только лишь до следующей операции. Я для себя в какой-то момент решил, что это будет не жизнь для него.

Собака – это сильный красивый умный зверь, как жаль, что я по малости лет, по неопытности, по глупости часто не понимал его. Сейчас я осознаю, что я виноват перед ним, виноват своей бестолковостью: зверю надо всегда делать скидку – он не может говорить по-человечески, не может всё объяснить, что болит, где страшно, чего надо, чего по зарез необходимо. Стыдно, что не всегда я понимал его. Не хватало опыта ли, разума ли или терпения. «Прости бы он меня, глупого», – такая мысль постоянно всплывает в мозгу при воспоминании о нём. Прости меня, зверь! Виноват я перед тобою, крепко виноват.

В тот день мама с ним погуляла, у меня не хватило самообладания. Была зима, выпал снег. Он любил снег, радовался ему, хотел побегать кругами, так, как это бывало раньше. А не мог. И видно было, что он с удовольствием бы поносился тогда по двору, рад он был, смотрел вокруг тусклым радостным взглядом почти счастливого и почти беззаботного животного. Только вот не всё было с ним в порядке.

Когда приехали врачи, он почувствовал, что будет что-то нехорошее. Последние час-полтора, мы как-то старались что-то говорить, что-то ободряющее ему говорили. А в мозгу свербят мысли: «А это он в последний раз погулял. А вот он в последний раз поел. Неужели вот сегодня я глажу его по спине в последний раз? И больше не смогу почесать ему за ухом? И он не подойдёт ко мне, намекая, что пора бы пройтись погулять?» Тем не менее, как-то вот в тот день я морально для себя решил, что ему не будет уже легче, а так он не будет мучиться. Это

было бы издевательством над ним, над сильным зверем, привыкшим бегать, прыгать, лаять, но не лежать беспомощно и беспокоиться о болячках, которые становились с каждым днём всё хуже и хуже.

И вот врачи с серьёзными лицами заходят в квартиру. Он как-то сразу сел в большой комнате, серьёзно смотрел на вход в комнату и стал рычать. Врачи были спокойны, может быть белые халаты особенно взволновали его, он не боялся прививок, укольчиков, которые ему делали регулярно, но это всегда было так, что мы ездили, ходили в больничку, а не врачи приезжали на дом. А тут что-то новое. По-другому – люди в белых халатах приехали к нам домой...

Врачи попросили успокоить собаку. Мама как-то сразу не выдержала – до тех самых пор она всё бодрилась, подбадривала нас, меня, мне говорила, что-то в смысле того, что так вот получается, надо, так надо. А тут уже совсем не то, она как-то в голос расплакалась и ушла из комнаты. Отец тоже не очень и понимал, как и что сделать в этот момент. Я наоборот, несмотря на горе, точившее меня все предыдущие дни, собрался в тот момент и взял себя в руки. Подошёл к нему и спокойно и уверенно что-то сказал ему. Стал чесать ему за ушами, смотрел ему в глаза, прижал его морду к себе. Он был спокоен, рычал только. Но я его знал, он был спокоен в тот момент. Врач тихонько подошла сбоку, и сзади мелькнул шприц. Он не вздрогнул, не дёрнулся, так же спокойно сидел, и я ему чесал за ушами.

Он это дело любил, я ему часто чесал за ушами, когда мы чистили его пылесосом – шерсть у него была густая, волнистая, регулярно мы его чистили таким вот манером. И когда гуделка шла ближе к голове, к ушам, то обычно он чрезвычайно волновался, лаял, вырывался, но если я брался ему «уши чесать», то всё происходило на диво спокойно. В чём-чём, а в этом моменте я его отлично понимал – сам когда-то жутко боялся в парикмахерской «гуделки», щекотавшей голову.

Вот и в тот раз я ему «чесал уши». Он какое-то мгновение-другое сидел ещё с полуприкрытыми тусклыми глазами, потом вдруг резко сник вниз, на клеёнку, предварительно постеленную ему в качестве последнего логова. В теле его ещё есть жизнь, движение, сила, но он уже не здесь, не с нами, он как бы стремительно заснул, выпал из реальности, из моих рук и быстро улетел куда-то в другой мир. Может быть ему было хорошо в эти последние секунды – я видел, как его хвост выгнулся крючком. Он лежал как бы частично на боку. Потом сразу весь обмяк. И замер. Уже навеки... Он действительно отправился в путь, взирая ещё на нас из своего нового мира удивлённо и снисходительно. Этот путь будет по земным меркам бесконечным, но по меркам того мира, где он сейчас, это путешествие продлится быстрее мига. Он вступит в гордую стаю Симарглов, там, где бесконечность времени даёт приют душам животных.

Дело было сделано. Врач отошла в сторону, отец отдал ей деньги, врачи уехали. Мы все как-то разошлись, я ушёл в свою комнату. Мама плакала в голос, ходила, иногда заходила ко мне. Я лежал на кровати, на спине, рукой прикрыв глаза. Всё. Его больше нет. Нету. В тот момент, может быть, пара слёз скатилась у меня из глаз, но в целом я морально был готов к этому моменту. Тяжелее было в последнюю неделю перед этим. Мне лично.

Мы потихоньку уложили его – завернули в клеёнку, завернули в приготовленную попону и уложили в мешок. Это было так неестественно и уродливо, что и сейчас при воспоминаниях об этом моменте, уже после его смерти, к горлу подкатывается ком. Вот и тогда я тоже всё крепился и старался всё что-то делать, руками, что-то может быть немного поспешное. Отец, как мне показалось, не очень-то понимал меня. Мама плакала, уже не так громко, но она не ожидала, что так это будет страшно, и что так жаль теперь его.

Мы двинулись в путь. Я старался всё что-то делать, хотел нести мешок с тяжкой ношей непременно сам, думаю, что в движении я как-то мог лучше укрепиться в навалившемся на нас горе.

Мы пошли на сопку. Туда, где мы с ним так часто гуляли, по тропинке, вверх, над гаражами, в три-четыре полки резавшими подножие сопки. Далее по склону была только трава и тропинка, по которой мы ходили на прогулках. Чуть выше начинался густой кустарник, орешник. Я вспомнил, как давным-давно, когда он был ещё совсем маленьким, пушистым и беспомощным, мы вышли туда на сопку, может быть, впервые. Как ему было сперва интересно увидеть новые места, а потом, когда мы были уже в кустарнике, он вдруг неожиданно испугался, да так сильно, что редко когда так бывало. Стал скулить и вырываться прямо-таки назад, в сторону, куда-то вбок, но прочь, прочь оттуда из этих кустов, со всех сторон обступивших нас стеной. Видимо, тогда ему в голову пришла мысль, что мы его заведём в кусты и оставим, или он там потеряется, или что там в кустах прячутся некие недруги, которые всем нам могут здорово навредить. Сейчас вот подумал: а может быть он тогда почувствовал, что там, недалеко, будет когда-нибудь его последний приют в этом мире?.. Еле мы его тогда успокоили. Как только мы вышли из кустов, он повеселел.

Теперь вот мы пришли к тому же кустарнику, но с другой стороны. Выбрали место под кустами, на краю кустарника. Выкопали ямку. Достаточно глубокую, он был крупным псом, переростком. На выводках его «браковали» из-за «лишних» 4—5 сантиметров в холке. Попрекали ещё белым «галстуком», эффектно разрезавшим чёрную шерсть его груди и даже слегка доходившим до характерного для этой породы подпала внизу. Мы положили нашу ношу в яму. Засыпали землёй. Заложили-завалили камнями. Чтобы собаки не разрыли могилу. Постояли, посмотрели на могилку, на окрестности, на город. Пошли назад. Больше у нас нету собаки...

Когда-то где-то были мы – в гостях ли или у Мамуси, где-то она жила за городом, видимо, с собачкой. Как я помню, были мы тогда с дедом и бабушкой там. Они что-то делали. А я развлекался с собачкой. Она была такая маленькая (для меня тогда конечно большая, почти половина меня тогдашнего), с черно-белой и дымчатой шерстью, длинной, вислой, она мне очень обрадовалась. Дворняжка-болонка, в общем. Что-то мы тогда с нею вместе делали, резвились в общем. Она действительно меня любила, эта большая собачка. Это был первый раз, когда я персонально познакомился с такой живностью. Не помню, где это было, как дело происходило, что происходило. Что-то дед весело комментировал, бабушка улыбалась, о чём-то они говорили, мне было интересно, но хоть убей не помню о чём шла речь. Может быть, я тогда и не понимал ещё достаточно слов. Но находиться в этом обществе вкупе с собачкой было интересно до ужаса. Так я впервые узнал, что такое собака.

Десять лет спустя после смерти нашего эрделя взялся я по объявлению помочь хозяевам крупной, 45 килограмм весом, собаки – полудворняга-полуовчарка немецкая – помочь с тренерством. Мы с пёсиком этим прекрасно друг друга поняли, всегда был рад он мне, прогулкам со мною. Спасибо тому, нашему первому собственному псу, большое спасибо: я свои глупости, неразумения хорошо усвоил и с новой собакой не делал уже тех ошибок, которые бывали тогда ещё, при жизни покойного нашего пса, и которых себе простить не могу и сейчас ещё. Жаль вот всё время, и до сих пор ещё, что нельзя исправить, наново с ним пообщаться, погулять – всё по-другому было бы у нас с ним теперь. А у овчарки трудный характер, хозяева говорили, что общение со мною очень положительно влияет на пса, он стал добрее и добродушней. Спасибо тому, первому псу! Большое спасибо.

Контрактник

В школе он был троечником, у меня осталось общее воспоминание о нём, как о добродушном, большом и несколько неповоротливом крепыше, который никогда особо никуда не лез. В последний раз живым я его видел году в 92-м, он ехал в автобусе, мы перекинулись парой слов, он работал сварщиком на комбинате. Потом я про него ничего не слышал. До 2003 года.

Мне позвонили одноклассники и сказали, что он погиб в Чечне. Мы собрались все и хоронили его, встретились те, кто не видел друг друга уже как минимум лет пять-десять. Те, кто были хулиганами в школе, были уже либо «отсидевшие», с наколками на костяшках пальцев, либо на условном. Полухулиганы-полутроечники, говорят, стали милиционерами, только на похоронах они не появились. Те, кто были просто троечниками, стали либо выпивохами либо потенциальными алкоголиками. Все живут преимущественно в нищете. Крошечные зарплаты, задерживаемые минимум на месяц-два-три, почти никто не получил хоть какого-то профессионального образования. Один рассказывал, о том, что «мамка дала ему сто рублей и они пропили их». Самый успешный кадр работал на стройках и ремонтах во Владивостоке, на выездных хлебах. На похоронах он тоже отсутствовал. Юля, которую я уже не видал лет 12, стала видной женщиной, с выдающимися формами. Теперь вот работает уборщицей. Один одноклассник про погибшего говорит, что встретил его как-то перед этим его контрактом, он тогда сказал, что «запопал на 200 баксов», таксовал и «въехал» в какую-то машину. Как-то не верится, что из-за этого можно решиться поехать «повоевать», денег заработать. Наверняка были у него ещё какие-то проблемы. Как ты ни крути, а жизнь диктует свои условия и загоняет тебя в одном направлении. Вот он, получается, ещё быстрее остальных вперёд к неизменному тупику рванул.

Звонили нашей учительнице литературы, когда-то она была убеждённой коммунисткой. Замечательная была учительница. Теперь вот она не решилась встретиться со своими учениками. Говорят, что она спилась за эти годы, практически до уровня бомжа. Не верится! Нет верится, что за эти десять-пятнадцать лет жизнь могла так людей кинуть! Тем не менее это так. И цинковый гроб, который мы несём к машине – это увесистое доказательство реальности всего происходящего. Скоро мы его спустим в могилу.

На кладбище звучат речи. Мне нет охоты что-либо говорить. Лопата валится из рук, я чувствую себя неловко, не укладывается всё это в голове.

– Чё, Юрбан, употел? – спрашивает, перенимая лопату копача Григорий, одноклассник, который когда-то был троечником, и конечно же стал выпивохой.

До чего же поганая жизнь то, как оказалось, у нас складывается. Как-то живёшь-живёшь вот так потихоньку, не обращаешь внимания на мелочи, а они-то все выстраиваются в стенки коридора, который тебе уже только в одном направлении позволяет бежать. Шаг влево, шаг вправо череповат плохими последствиями. Все собравшиеся своими историями подтверждают бессмысленность, тупиковость всего происходящего в этом государстве вообще и в этом городишке в частности.

На официальных поминках в ресторане один из «отсидевших», с наколками на костяшках предложил гост за погибшего, за того, кто воевал за Родину, воевал с настоящими бандитами. На него набросились наша классная руководительница и одна одноклассница – да брось ты, неразумное говоришь, какая родина, какое государство, плевать этой родине на нас! Я нашего уголовника поддержал, сказал, что он всё правильно говорил.

Вечером мы пили у Григория спирт, после официальной поминальной водки в ресторане, где мы посидели сколько-то часов. Поговорили: кто-то даже женился, кто-то спился. Кого-то нет с нами. Один после тюрьмы тачал сапоги да и помер. Всего-то на пару лет старше нас был,

вечный второгодник. Он, кажется, после пятого класса в тюрьму загремел. За что, я точно не знаю, говорят, за изнасилование. Наша классная руководительница тогда нас всё пугала: почитайте, мол, какие слёзные письма пишет ваш кумир, с которого вы все пример берёте, посмотрите, как ему в тюрьме туго приходится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.